

Марго.

Мы любили тебя еще до того, как ты приобрела права на эту книгу, а теперь, когда ты помогла превратить ее в настоящую жемчужину, любим еще больше. Спасибо за то, что ты стала нашим редактором, нашим вдохновителем, нашим другом.

1

ОН

— Ради бога, скажи, что здесь все девушки — совершеннолетние.

Я послушно повторяю за Джимом Толсоном, своим менеджером:

— Здесь все девушки — совершеннолетние.

Но, честно говоря, понятия не имею, так ли это. Когда я вернулся вечером из студии, вечеринка уже была в полном разгаре. Я, знаете ли, не проверял у всех документы, а просто взял себе стакан пива и принялся болтать с какими-то девчонками, которые утверждали, что им так нравятся мои песни, что они поют их даже во сне. Это звучало немного похоже на приглашение, но мне было не слишком интересно. Потом мой товарищ Люк куда-то их увел, и я принялся просто бесцельно ошиваться вокруг, раздумывая, знаком ли я хотя бы с четвертью людей, которые веселятся у меня в доме.

В итоге насчитал семерых, которых хотя бы знаю в лицо.

Джим поджигает свои и без того тонкие губы и садится в шезлонг напротив меня. Там уже спит какая-то девчонка, так что ему приходится ютиться на краешке. Джим как-то говорил мне, что самый большой риск в работе с молодыми звездами — это возраст их

поклонниц. Так что ему явно некомфортно находиться рядом со спящей в одном бикини красоткой неопределенного возраста.

— Помни об этом, если какой-нибудь папарацци пристанет к тебе на улице, — предупреждает Джим.

— Принято.

И знаете что еще? Пожалуй, сегодня стоит избегать мест скопления знаменитостей. Совершенно не желаю попасть в кадр к какому-нибудь охотнику за сенсациями.

— Как дела в студии?

Я поднимаю глаза к потолку. Как будто Джим не послушал запись сразу после того, как я оттуда вышел.

— Ты прекрасно знаешь, как дела. Фигово. Даже хуже, чем фигово. Какой-нибудь чихуахуа мог бы спеть лучше, чем я.

Я откидываюсь на спинку и трогаю горло. Со связками все в порядке — пару месяцев назад меня обследовали. Но в песне, которую мы вчера записывали, чего-то недостает. Все мои треки в последнее время какие-то плоские.

Со времени последнего альбома я ничего приличного не записал. Не понимаю, в чем проблема. Обычно это либо текст, либо ритм, либо вокал — но сейчас это сразу все и ничего, и никакая обработка не помогает.

Я касаюсь струн своего «Гибсона». Наверняка выражение лица выдает мои мысли.

— Пойдем-ка прогуляемся, — говорит Джим, кивая на девушку. Она кажется спящей, но вполне может притворяться.

Я со вздохом откладываю гитару и поднимаюсь.

— Не знал, что ты любишь прогулки по пляжу, Джим. Сейчас мы будем читать друг другу стихи, а потом ты сделаешь мне предложение?

Я, конечно, издеваюсь. Но он, вполне вероятно, прав, что не захотел продолжать разговор внутри, а мне так уж точно не хочется, чтобы случайная фанатка разболтала журналистам о моих творческих проблемах. Я и без того даю им достаточно поводов для разговоров.

— Ты видел последние цифры по соцсетям? — Он поднимает телефон.

— Ты спрашиваешь или хочешь рассказать?

Мы останавливаемся у перил, которые ограждают террасу вокруг дома. Хорошо бы спуститься на пляж, но он общественный. В последний раз, пытаясь выйти искупаться через черный ход, я еле унес ноги, лишившись плавок и с разбитым носом. Это было три года назад, и таблоиды раздули историю о том, что я подрался со своей бывшей и напугал детишек.

— Ты теряешь по тысяче фолловеров в неделю.

— Какой ужас, — иронизирую я.

На самом деле, звучит просто отлично. Может, наконец, и поплавать иногда можно будет, иначе какой смысл иметь дом на пляже?

Гладкое, без единой морщины лицо Джима — достижение лучших швейцарских пластических хирургов, услуги которых только можно купить за деньги, — искажается от злости.

— Это очень серьезно, Окли.

— Почему? Какая, вообще, разница, сколько у меня фолловеров?

— Ты хочешь, чтобы к тебе как артисту относились серьезно?

Неужели опять эта болтовня? Он сто раз уже читал мне подобную лекцию с тех пор, как подписал меня на лейбл в четырнадцать лет.

— А то ты сам не знаешь.

— Тогда тебе нужно подстраиваться.

— Но зачем?

Как это связано с тем, чтобы писать крутую музыку? Если я что-то и должен делать, то, скорее уж, уйти в отрыв и брать от жизни все.

Но... разве я не делал этого раньше? Я пил, курил, принимал разные вещества, попробовал, кажется, все, что только возможно, за последние пять лет. Неужели моя карьера окончена, хотя мне даже нет двадцати? При мысли об этом по спине пробегают мурашки.

— Лейбл подумывает разорвать твой контракт.

Я чуть было не начинаю хлопать в ладоши как ребенок, — в последние месяцы отношения были очень напряженные.

— Ну и пускай.

— И как ты тогда собираешься записывать альбом? Два последних трека, как видишь, не приняли. Хочешь экспериментов со звуком? Класть стихи на музыку? Писать о чем-нибудь, кроме разбитого сердца и красивых девушек, которые тебя не любят?

Я мрачно смотрю на воду.

Он хватает меня за руку:

— Слушай сюда, Ок.

Я бросаю на него взгляд, говорящий «какого черта?!», и он отпускает мое запястье. Все знают, что я не люблю, когда меня трогают.

— Они не позволят тебе добиться того, чего ты хочешь, если испортишь отношения с фанатами.

— Вот именно, — нагло говорю я. — Так какая разница, буду я работать с лейблом или нет?

— Лейблы существуют, чтобы зарабатывать деньги, — настаивает он. — Они откажутся продюсировать твой альбом, если не будут уверены, что смогут его продать. Если хочешь получить еще одну «Грэмми»,

хочешь, чтобы тебя всерьез принимали коллеги по цеху, нужно восстановить свой имидж. Ты ничего не выпускал с семнадцати лет. Это было два года назад, но в музыкальном мире сойдет за все десять.

— Адель выпустила альбом в девятнадцать, а потом — только в двадцать пять.

— Но ты-то не Адель.

— Я лучше, — отвечаю я, и это не хвастовство. Мы оба знаем, что это правда.

Я записал первый альбом в четырнадцать, и он обернулся огромным успехом. С тех пор каждый мой альбом становился дважды платиновым, а «Форд», который я назвал в честь себя самого, даже добрался до бриллиантового. В том году, когда он вышел, я побывал с туром в тридцати городах по всему миру, выступая только на стадионах, и все билеты были распроданы. В мире меньше десяти артистов, которые собирают стадионы. Все остальные довольствуются небольшими площадками, концертными залами и клубами.

— *Был* лучше, — бесцветным голосом добавляет Джим. — Твоя карьера на грани краха.

Я холодею. Он произносит вслух то, о чем я размышлял парой минут раньше.

— Так что могу тебя поздравить: лет через двадцать, когда тебя пригласят в шоу Hollywood Squares¹, какой-нибудь ребенок спросит у своей матери: «Кто такой Окли Форд?» А мать ответит...

— Я понимаю, — с напряжением говорю я.

— Нет, не понимаешь! Твоя карьера может оказаться настолько мимолетной, что даже та мамаша

¹ Американское телешоу, в котором знаменитостям задают вопросы, а участники игры должны оценивать честность ответов.

повернется к ребенку и скажет: «Понятия не имею, кто это такой». — Тон Джима меняется на умоляющий: — Послушай, Ок, я хочу, чтобы ты преуспел с той музыкой, которую хочешь записывать, но для этого мы должны работать вместе! Этой индустрией управляет группа белых привилегированных мужчин, которые сошли с ума от наркотиков и власти. Они просто обожают издеваться над музыкантами, и им все сходит с рук. Не давай им повода сделать себя козлом отпущения! Ты достоин большего. Я верю в тебя, но ты тоже должен в себя поверить.

— Я верю в себя.

Интересно, Джим тоже заметил, как фальшиво это звучит?

— Тогда поступай соответственно.

Что он имеет в виду? «Повзрослей»?

Я протягиваю руку и беру его телефон. Количество фолловеров, тем не менее, составляет восьмизначное число. Миллионы людей читают меня в соцсетях и проглатывают все, что ежедневно им скармливает моя пиар-команда. Мои кеды. Мои руки. Боже, фотография рук набрала больше миллиона лайков! И запустила примерно столько же вымышленных историй. У девушек очень живое воображение.

Очень *испорченное* живое воображение.

— Ну и что ты предлагаешь? — бормочу я.

Джим с облегчением вздыхает:

— У меня есть план. Ты начнешь встречаться кое с кем.

— Ни за что. Это мы уже пробовали.

После выхода «Форда» менеджеры свели меня с девушкой по имени Пятница. Да-да, это ее настоящее имя, я видел документы. Она была восходящей звездой реалити-шоу, и мы все решили, что уж она-то знает, что

к чему. Мы затеяли фальшивый роман, чтобы почаще попадать на обложки журналов и в интернет-таблоиды. Ну конечно, это неизбежно должно было вызвать волну негодования со стороны определенных людей, но разве это может сравниться с постоянным вниманием прессы и сплетнями о нас на каждом углу! Мы знали, что наши имена будут у всех на губах, от Калифорнии до Китая.

Все сработало идеально. Невозможно было даже чихнуть без того, чтобы это немедленно не попало на новостные сайты. Мы полгода были главными героями всех таблоидов и желтой прессы, а тур в поддержку «Форда» обернулся ошеломляющим успехом. Пятница же гордо восседала в первом ряду всевозможных показов мод — я даже не знал, что их столько существует, — а потом подписала двухгодичный контракт с крупным модельным агентством.

В общем, до конца тура все шло прекрасно. Но никто, включая меня, не сообразил, что если свести вместе двух подростков и заставить их изображать любовь, рано или поздно что-нибудь случится. И это случилось. Все бы ничего, но Пятница думала, что оно продолжит случаться и после тура. Когда я сказал ей, что все кончено, она была очень расстроена — и благодаря мне у нее появилась возможность рассказывать подробности всем желающим.

— Нет, мы не будем повторять историю с Пятницей, — уверяет меня Джим. — Мы хотим привлечь тех девушек, которые мечтают сами пройти по красной дорожке, но не верят, что это возможно. Больше никаких звезд и моделей. Твои фанаты должны думать, что ты достигаем.

Скрепя сердце я спрашиваю:

— И как же мы этого добьемся?

— Найдем обычную девушку. Она начнет писать тебе в социальных сетях, заигрывать с тобой онлайн. Ты будешь ей отвечать, люди увидят, как вы взаимодействуете. Потом пригласишь ее на концерт, вы встретитесь, влюбитесь друг в друга... БУМ! Так ты привлечешь к себе внимание.

— Мои фанаты терпеть не могли Пятницу, — напоминаю я.

— Некоторые да, но миллионы ее обожали. А если ты «влюбишься» в обычную девушку, это с восторгом воспримет гораздо больше людей — каждая фанатка по другую сторону монитора будет считать, что эта девушка воплощает собой их всех.

Я стискиваю зубы:

— Нет.

Если Джим пытался придумать способ заставить меня страдать сильнее, у него отлично получилось. Ненавижу социальные сети. Когда я был маленьким, мать фотографировала каждый мой шаг и продавала снимки любому, кто больше предложит, — ради благотворительности, как она позже утверждала. Я и без того часто появляюсь на публике. Но определенную часть своей жизни хочу хранить в тайне — именно поэтому и плачу целое состояние другим людям, чтобы самому этим не заниматься.

— Если ты сделаешь это, — Джим делает загадочную паузу, — Кинг спродюсирует твой альбом.

Я оборачиваюсь так резко, что Джим даже слегка подается назад:

— Ты серьезно?

Донован Кинг — лучший продюсер в стране. Он работал со всеми жанрами, от рэпа до кантри и рока, он превращал музыкантов в легенду. Я как-то читал интервью, в котором он сказал, что никогда не будет

работать с поп-музыкантами и их бездуховной коммерческой музыкой, сколько бы ему ни заплатили. Поработать с Кингом — мечта, но он всегда отвергал мои попытки наладить контакт.

Если он не захотел продюсировать «Форд», то почему готов работать с этим альбомом? Почему сейчас?

Джим ухмыляется. Ну, насколько его обколотое бо-токсом лицо это позволяет.

— Да. Он сказал, что если бы ты был более серьезным, он бы с тобой поработал, но ему нужны гарантии.

— Наличие девушки — это что, гарантии? — недоверчиво переспрашиваю я.

— Не девушки как таковой. А того, что символизируют отношения с обычной девушкой не из числа знаменитостей. Того, что ты — трезвомыслящий человек, который занимается музыкой из любви к музыке, а не ради денег или славы.

— Но я и так трезвомыслящий! — возмущаюсь я.

Джим только фыркает и указывает большим пальцем на стеклянную дверь у нас за спиной:

— Скажи-ка мне, как зовут ту девчонку, которая там развалилась?

— Не... не знаю, — бормочу я, стараясь не поморщиться.

— Почему-то я так и подумал. — Джим хмурится. — Хочешь узнать, за чем вчера вечером папарацци застали Ники Новака?

Я перестаю что-либо понимать.

— При чем тут вообще Ники Новак?

Ники Новак — это шестнадцатилетний поп-музыкант, с которым я даже не знаком. Его группа только что выпустила дебютный альбом, который попал на верхушки чартов, и ребята наступают на пятки One Direction.

— Ну же, спроси меня, что делал Ники Новак.

— Ладно, как скажешь. Что делал Ники Новак?

— Играл в боулинг. — Мой менеджер складывает руки на груди. — Его застали в боулинг-клубе вместе с девушкой — какой-то девчонкой, с которой они вместе еще со средней школы.

— Ну, рад за него. — Я снова закатываю глаза. — Ты хочешь, чтобы я тоже пошел в боулинг, что ли? Думаешь, это поможет убедить Кинга со мной работать, если он увидит, как я бросаю шары? — В моем голосе сквозит сарказм.

— Я сказал тебе, что нужно, — рычит Джим. — Чтобы Кинг спродюсировал твой альбом, нужно убедить его, что ты настроен серьезно, можешь перестать тусоваться с девчонками, имени которых даже не знаешь, и завести отношения с кем-то, кто даст тебе ощущение уверенности.

— А можно ему все это просто сказать?

— Ему нужна демонстрация.

Я снова поворачиваюсь лицом к океану и некоторое время стою, глядя, как волны разбиваются о берег. Мне вдруг начинает казаться, что альбом, над которым я работаю последние два года, — вернее, пытаюсь работать, но ничего не получается, — действительно выйдет. Такой продюсер, как Кинг, сможет помочь мне преодолеть кризис и начать писать ту музыку, какую я всегда хотел писать.

И все, что мне нужно ради этого сделать, — начать встречаться с обычной девушкой? Наверное, это не слишком сложно. Каждый музыкант в определенный момент должен чем-то жертвовать ради искусства.

Ведь так?

2

ОНА

— Нет.

— Но я же еще даже ничего не сказала! — возмущается моя сестра.

— А все и так понятно. У тебя то самое выражение лица. — Я достаю бекон из микроволновки и кладу по четыре кусочка на каждую тарелку.

— Какое выражение лица? — Пейсли берет ложку, которой я взбивала яйца, и пытается в нее посмотреться, как в зеркальце.

— Такое, которое означает: мне определенно не понравится то, что ты собираешься сказать, — я на какое-то время замолкаю, продолжая накладывать блинцам завтрак, — или что мне еще рано такое слышать.

— Ха! Все знают, что ты разумнее большинства взрослых. На самом деле, я бы хотела, чтобы ты была более эмоциональной. Это упростило бы задачу.

Я кричу:

— Завтрак готов!

Услышав стук каблуков по лестнице, Пейсли вздыхает. Наши младшие братья чудовищно громкие, очень много едят и обходятся нам все дороже и дороже. Все, что я могу сказать по этому поводу: слава богу, что у Пейсли теперь новая работа. Мы и так еле сводим концы с концами, хотя сестра буквально сотворила

чудо, если иметь в виду ту крошечную сумму, которая осталась после смерти родителей. Я вношу свою долю в семейный бюджет, работая официанткой в «Шаркиз», но мы почти все тратим на жизнь. Спенсер и Шейн говорят, чтобы мы не волновались по поводу оплаты их обучения, потому что они рассчитывают полностью покрыть расходы спортивной стипендией. Но если ее еще не начали выдавать за уничтожение еды на скорость, я бы не стала слишком сильно на это рассчитывать.

Я отпиваю немного кофе, в котором столько молока, что логичнее считать это чашкой молока с небольшим добавлением кофе, и смотрю, как мои двенадцатилетние братья жадно поедают первую из шести порций пищи в день. Они ворчат по поводу того, что рождественские каникулы такие короткие, и я радуюсь, что, в отличие от них, мне больше не нужно ходить на уроки.

— Вонн, — напоминает Пейсли, — мне все-таки нужно с тобой поговорить.

— Я уже сказала тебе: нет.

— Я серьезно.

— Ну ладно, говори.

— Пойдем во двор. — Она кивает в сторону задней двери.

— Мы не подслушиваем, — говорит Спенсер, а Шейн кивает. Это их фирменная штучка. Если Спенсер что-нибудь говорит, Шейн всегда его поддерживает, даже если на самом деле не согласен.

— Ну? Пойдем. — Пейсли снова кивает на дверь, и мне становится ее жалко.

— Ладно, веди.

Дверь захлопывается за нами. Я делаю еще один глоток быстро остывающего напитка, а Пейсли молчит, явно пытаюсь подобрать слова. Это заставляет волноваться — обычно она за словом в карман не лезет.